

К 85-летию СО ДНЯ СМЕРТИ МУСОРГСКОГО

# ПАМЯТНИК НЕРУКОТВОРНЫЙ

СТАСОВ писал, что Мусоргский принадлежит к числу тех людей, которым потомство ставит монументы. «Я разумею народ как великую личность, одушевленную единой идеей. Это моя задача. Я попытался разрезать ее в опере», — смело заявил Мусоргский, окончив работу над «Борисом Годуновым».

«К новым берегам!» — этот девиз был выведен на ленте, опоясывающей торжественный венок, которым увенчали своего любимого композитора петербургские студенты после первого представления «Бориса Годунова». И на протяжении всего театрального сезона, вспоминает Стасов, по вечерам над Невой распевались во весь голос знакомые полюбившиеся мелодии. Это молодежь, возвращающаяся из театра, повторяла мощный зажигательный хор одной из лучших сцен оперы: «Расходилась, разгулялась сила молодечья!»

Период музыкального творчества композитора продолжался 20 лет, на протяжении которых Мусоргский неустанно развивал традиции русской музыкальной культуры. Им руководила не только страстная любовь к народной песне и фантазии, но и неиссякаемая вера в правильность выбранной им дороги в искусстве. Казалось, никакие силы не смогли сломить железной воли Мусоргского. Даже Стасов, преданно и нежно любивший Мусоргского, наблюдая, с каким упрямством тот отвергает всякие компромиссы, с горечью жаловался Балакиреву: «Хорошо, говорит, да и только, хоть кол на голове теши».

«Новизна и необычность музыки поставила в тупик почтенный комитет», — рассказывал Римский-Корсаков о том, как театральный комитет Мариинского театра, куда представил

Мусоргский своего «Бориса», отклонил оперу. «Покорнейше прошу принять уверения в совершеннейшем моем почтении», — так заканчивал свой отказ секретарь дирекции Мариинского театра. Только вмешательство друзей, только бескорыстная помощь артистов и музыкантов дали вторую жизнь опере — на этот раз на сцене.

Постановка оперы «Борис Годунов» превратилась в подлинное торжество и ликование Мусоргского. Исполнители пели и играли с особым подъемом. Замечательный русский певец Петров сумел придать образу Варлаама грандиозность. Направник, который дирижировал оперой, поднял музыку Мусоргского на необыкновенную высоту, не расплескав при этом ни одного звука. Зато в антракте произошел следующий диалог между великолепной исполнительницей роли Марины, замечательной певицей Ю. Ф. Платоновой, и чопорным музыкальным критиком.

— И вам нравится эта музыка? — строго спросил «ценитель» актрису.

— Нравится, — с гордостью ответствовала та.

— Так я вам скажу, что это позор на всю Россию, эта опера!

Критика шипела. Она изощрялась в нападениях, клеветах и ругательствах. Мусоргского даже обвиняли в том, что он якобы опошил пушкинский замысел, превратив «серьезные сцены в комические, а комические в грязные». Но ничто не могло поколебать твердой уверенности композитора в том, что главное в музыке — правда, «как бы ни была она солона», жизнь — «где бы она ни сказалась».

Жизнь и правда, сладость и горечь земли, острый вкус истины...

Мусоргский во всем следовал этому. «История—моя ночная няня», — писал композитор, уже работая над «Хованщиной». Может быть, в эти священные часы работы ему вспоминались волшебные сказки, те самые, которые рассказывала ему няня в далекие годы детства... Уж не она ли, эта безграмотная крестьянка, заронила в душу мальчика ту великую и прекрасную любовь к народу, во имя которой он творил свои бессмертные произведения...

В. ЧУЛИНА.

23 МАЯ 1966

Пенинская опера  
Гарба